

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР И МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Задача повышения обоснованности и действенности вырабатываемых наукой рекомендаций по совершенствованию политики государства в национальном вопросе не может быть решена без установления конструктивных связей между различными обществоведческими дисциплинами, между наукой и практикой. Выражением этой потребности стала, в частности, деятельность Межведомственного научного совета по изучению национальных вопросов при Президиуме АН СССР. В течение ряда лет, особенно активно — после реорганизации Совета в 1987 г. в нем сотрудничают представители практически всех крупных научных учреждений и ведомств страны, в той или иной мере занимающихся национальной проблематикой. Главным учреждением является Институт этнографии АН СССР, директор последнего — академик Ю. В. Бромлей — одновременно возглавляет Межведомственный совет. В 1988 году был также создан Центр по изучению национальных отношений при Секции общественных наук Президиума АН СССР.

В 1988 г. Совет провел несколько заседаний, посвященных обсуждению важных аспектов национального строительства в СССР: роли теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма в деле совершенствования национальных отношений на современном этапе; путям развития языковой политики государства; проблеме обеспечения прав народов СССР; выработке подхода к анализу карабахского конфликта и др.

20 сентября 1988 г. было проведено совместное заседание Межведомственного совета и Ученого совета Института этнографии, на котором обсуждались предложения по выработке концепции, целей и задач предстоящего пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР. Ниже публикуется отчет об этом заседании: доклад Ю. В. Бромлея, содержащий основные положения рекомендаций (в разработке которых участвовали многие сотрудники Института этнографии и Центра по изучению национальных отношений), приведен с незначительными сокращениями; выступления даны в изложении.

Ю. В. Бромлей

О РАЗРАБОТКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

Развернувшийся в нашей стране по инициативе и под руководством КПСС процесс углубления перестройки и обеспечения ее необратимости простирается также и на сферу национальных отношений. И это не случайно. Ведь данный процесс происходит в многонациональной стране, в силу чего невнимание к этой сфере может нанести «огромный ущерб нашему главному делу — делу перестройки, демократизации нашего общества»¹.

Ныне необходимость радикального пересмотра теории в области национальных отношений представляется бесспорной. Перестройка достаточно отчетливо обнажила накопившиеся здесь проблемы и деформации. Вместе с тем она наглядно показала, насколько сложны и деликатны эти сюжеты, к каким далеко не предсказуемым последствиям может привести их недооценка, сколь опасна такая недооценка, как важен взвешенный, всесторонний подход к ним.

Уже после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС существенно усилилось внимание партии к национальной проблематике, в чем особенно важную роль, как известно, сыграли XXVII съезд КПСС, январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, Всесоюзная XIX партконференция. В результате во многом изменились представления о состоянии национальных отношений в стране, характерных для них противоречиях и проблемах, стали выкристаллизовываться новые подходы, а главное началось обновление самой общей атмосферы национальной жизни, постепенное освобождение ее от догматических шаблонов и бюрократических пут.

Выводы XIX Всесоюзной партконференции и должны послужить отправным пунктом для дальнейшей разработки вопросов национальных отношений в ходе

подготовки к специально посвященному этим проблемам Пленуму ЦК КПСС. Как сказано в резолюции «О межнациональных отношениях», это прежде всего выработанный партией в ходе перестройки политический курс, сочетающий удовлетворение интересов всех национальностей страны с общими ее интересами и потребностями, интернационалистская идеология. Представляется существенным напомнить, что именно национальные отношения были в недавнее время наиболее закрытой зоной, поэтому на их изучении особенно отразился застой в нашем обществоведении, именно здесь больше всего проявились догматизм и лакировка действительности. Даже те немногие исследования реальных национальных процессов, которые все же велись, рассматривались как нечто третьестепенное и отнюдь не поощрялись; подготавливавшиеся при этом практические рекомендации в основном оставались не реализованными. Сложился явный дефицит специалистов по национальной проблематике. Более того, в некоторых особенно важных в данном отношении областях общественных наук (прежде всего в экономике, а отчасти и в праве) до недавнего времени соответствующие исследования были фактически свернуты; отвергались и этнопсихологические исследования.

Вместе с тем в ходе перестройки, расширения демократизации и гласности, особенно во время подготовки XIX партконференции, на ней самой и после ее проведения уже под ее непосредственным воздействием выявился широкий плюрализм мнений, нередко диаметрально противоположных, что отражает сложность и противоречивость национальных процессов. Было бы наивно полагать, что эти противоречия решатся автоматически, стихийно. Более того, очевидно, что для таких решений явно недостаточно располагать общими принципами, сформулированными в последнее время. Необходимо выработать эффективный механизм регулирования национальных процессов, определить позиции по всем выявившимся конкретным вопросам развития национальных отношений, наметить перспективы и приоритетные направления этого развития в каждой сфере жизни нашего общества.

При этом, несомненно, нужен комплексный подход к рассмотрению поставленной задачи. Истина достаточно тривиальная, но, увы, редко реализуемая при изучении национальной проблематики. Для реализации ее, на мой взгляд, прежде всего следует попытаться хотя бы в самых общих чертах суммировать различные соображения, высказываемые по отдельным аспектам этой проблематики, выявив тем самым неоднозначность подхода к ней, существующие в данной сфере альтернативы. Это важно хотя бы для того, чтобы более аргументированно обосновать свою позицию, а не излагать ее, как это нередко делается, в аксиоматической, и даже в императивной форме, т. е. так, будто других точек зрения вообще не существует.

Поэтому в ряде случаев, пытаясь обобщить подготовленные предварительные материалы, ограничусь лишь дезаксиологической характеристикой различных точек зрения по интересующей нас проблематике. Должен в этой связи однако сделать по крайней мере одну оговорку. Поскольку обычно авторы тех или иных предложений ограничиваются главным образом изложением своей точки зрения, приходится нередко на себя брать роль оппонента, хотя это отнюдь не значит, что в таких случаях выражается моя собственная позиция. Свою задачу, повторяю, вижу в данном случае совсем в ином, — прежде всего в том, чтобы способствовать активизации обоснования той или иной позиции, выработке аргументов в ее защиту. Одним словом, хотелось бы, чтобы это выступление сыграло роль «запала» для дискуссии, точнее серии дискуссий, поскольку предполагается, что обсуждение рассматриваемого вопроса не ограничится данным заседанием, а будет продолжено как на Бюро научного совета, так и на методологических семинарах Института. И если такие дискуссии развернутся, то буду считать, что выполнил свою задачу.

* * *

Как известно, на национальные процессы в конечном счете проецируются все основные проблемы жизни общества. Поэтому особое значение приобретает воздействие на них путем решения важнейших проблем как базисного, так и надстроечного характера.

В условиях создания правового государства первостепенное значение для обеспечения оптимального развития национальных процессов приобретает решение тех проблем, что относятся к государственно-правовой сфере. В данном направлении в самое последнее время наметились определенные сдвиги, зафиксированные в материалах XIX партконференции. Это прежде всего курс на расширение «прав союзных и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы»².

Представляется достаточно очевидным, что для практической реализации этих отправных принципов следует выработать соответствующий правовой механизм. Нужна, иными словами, фиксация определенных правовых норм. Но одного этого недостаточно. Возникает необходимость предварительного рассмотрения некоторых теоретических вопросов.

Прежде всего это вопрос о том, кто является субъектом национальных прав. Обычно в последнее время акцент делается на правах национально-территориальных образований, в первую очередь республик. Вместе с тем в тени остается тот факт, что носителями таковых прав по существу являются все народы, точнее сказать, все национальности, все этники как в целом, так и их отдельные части — национальные группы. Хотя это казалось бы достаточно очевидно, однако, как известно, на практике далеко не всегда учитывается, в частности, это наглядно проявляется в недостаточном правовом обеспечении специфических потребностей национальных групп в инонациональном окружении.

Требуют к себе внимания также теоретические аспекты вопроса о национальном суверенитете. И дело не только в том, кто выступает его субъектом. Не менее существенно другое — тенденция к абсолютизации этого понятия. Подчас в данной связи имеют в виду чуть ли не абсолютную независимость. Но в силу известного закона диалектики таковой не бывает, т. е. независимость всегда относительна. И национальный суверенитет в этом смысле не представляет исключения. Указанное обстоятельство, в частности, наглядно демонстрирует Конституция СССР. Определяя в ст. 73 вопросы, подлежащие ведению Союза, в том числе объявления войны и мира, Конституция в то же время устанавливает, что союзные республики — суверенные социалистические государства осуществляют государственную власть на своей территории «вне пределов», указанных в ст. 73³. Иначе говоря, перед нами пример взаимосвязанной сопряженной структуры суверенитета в федеративном государстве.

Все это необходимо иметь в виду при рассмотрении различных конкретных предложений, касающихся совершенствования национально-государственного устройства. В частности, в отдельных предложениях такого рода высказывается мнение, что в нашей стране право на самоопределение осуществлено, так сказать, в его «одноразовом» варианте, который закреплен административно-государственным делением. При этом обращается внимание на то, что в многонациональном государстве в силу демографических, миграционных, хозяйственно-культурных процессов, а также в результате действия общественно-политических сил и факторов, могут возникать ситуации, диктующие необходимость создания или упразднения тех или иных национально-государственных образований или изменения их статуса и границ. Отмечается, что эти структуры не должны создаваться «на века»: в противном случае они могут превратиться в стагнирующие факторы общественного развития. И в данной связи напомина-

ется, что структура национально-государственных образований существует в СССР уже более полувека и никакими конституционно-правовыми нормами по существу не предусмотрена процедура ее изменения. Констатируется также, что за годы существования Союза ССР некоторые автохтонные народы в республиках утратили статус большинства населения (в Якутии — 36% якутов и 50% русских; в Казахстане — 36% казахов и 41% русских; в Латвии и Киргизии автохтонные народы составляют примерно половину населения, а в ряде автономий малых народов Севера на них приходится менее 5% жителей). Причем отмечается также фактическое отсутствие достаточно четких критериев для выделения национально-территориальных образований разного уровня. В связи с этим нельзя не упомянуть и о таких предложениях, как отказ от республиканской подчиненности автономий или преобразования некоторых автономных республик в союзные, а автономных областей — в автономные республики. Иначе говоря, речь идет о существенном изменении (совершенствовании) национально-государственной структуры страны.

Согласно крайнему выражению этой, так сказать, «децентрализующей» точки зрения, дальнейшее развитие должно привести к превращению прежде централизованного Советского союзного государства в союз государств-республик, соединенных экономическими договорами, некоторым общим бюджетом, а также централизованным решением политических и военных вопросов.

Вместе с тем, высказывается мнение, что предложения, касающиеся отказа от незыблемости существующих межреспубликанских границ и республиканской подчиненности автономных образований, могут вызвать больше отрицательных, чем положительных последствий. При этом подчеркивается, что во всех странах мира даже изменение административных границ проводится очень редко, через большие промежутки времени и в интересах, главным образом, экономического развития. В наиболее развитых и стабильных государствах мира административные границы остаются устойчивыми в течение столетий. Тем более это должно относиться к национальным образованиям, изменение которых вызовет не только нарушение экономических связей, но и ухудшит отношения между народами. Не случайно, за все время существования советской власти, изменения в национально-государственном строительстве шли главным образом по линии изменения статуса республик, и лишь в сравнительно редких случаях менялись их границы. При этом отмечается, что даже передача Узбекистану 39,0 тыс. кв. км пустынной территории Казахстана (что обосновано экономически) вызывает до сих пор трения между указанными республиками.

Возражения против пересмотра национально-государственной структуры подкрепляются ссылками на то, что сейчас все союзные и автономные республики и автономные области и округа имеют чрезвычайно сложный национальный состав населения. Попытки упростить его немыслимы без нарушения всех экономических и территориальных связей. Примеров можно привести множество. Так, в Таджикистане живет 873 тыс. узбеков, а в Узбекистане — 595 тыс. таджиков. Если попытаться основную часть узбекских районов Таджикистана присоединить к Узбекистану и наоборот, можно получить множество не связанных друг с другом территорий, управлять которыми никто не сможет. То же можно сказать и о татарах, мордве и многих других народах, расселенных на огромной территории.

Согласно другой точке зрения, признается необходимость совершенствования внутренней национально-территориальной структуры республик с тем, чтобы придать ей большую гибкость. При этом напоминает, что в нашей стране создано 53 национальных образования, объединяющих лишь около 60 из 100 с лишним народов СССР. Всего около 7 млн. человек не имеют своих автономий. Кроме того, за пределами своих национально-территориальных образований жило, по данным переписи 1979 г., 48,5 млн. человек — 19% общей численности народов, формирующих эти образования. В данной связи предлагается вернуться к выделению двух ранее существовавших единиц

национально-административного деления — национальных районов и национальных сельсоветов, широко представленных в 1920—1930-х годах во многих частях СССР (только в РСФСР и на Украине в конце 1920-х годов существовало около 270 национальных районов и около 3000 национальных сельских Советов). Выражается убеждение, что такие изменения системы национально-административного деления позволят учесть право так называемых некоренных народов, в том числе около 2 млн. немцев.

Высказывается вместе с тем недоумение по поводу соотношения национально-государственных и национально-административных единиц. Имеется в виду то, что при наличии 20 автономных республик у нас насчитывается всего 8 автономных областей и 10 автономных округов. По логике вещей, чем ниже статус того или иного образования, тем большее число их должно быть. За счет национальностей, не имеющих своих территориальных единиц, а также за счет групп, живущих вне пределов своих национальных образований и может быть резко увеличено число автономных областей и автономных округов.

Такова в самых общих чертах так сказать «умеренная» позиция по вопросу о национально-государственном устройстве. Но и по поводу ее высказываются определенные сомнения. Это прежде всего опасения относительно того, что любое изменение существующей национально-административной структуры, статуса той или иной национальности неизбежно заденет интересы и чувства других (прежде всего соседних) национальностей, а соответственно будет порождать обострение национальных отношений. В конечном счете выражается опасение, что любая «перекройка» национально-административной структуры будет отвлекать от первоочередных проблем, стоящих перед страной, прежде всего социально-экономических, мешать основным задачам перестройки. Такого рода опасения особенно усилились после событий вокруг Нагорного Карабаха.

Есть еще одна точка зрения по рассматриваемому вопросу, которую ее приверженцы именуют «интеграционной», отмечая, что данная позиция основана на парадигме примата «интернационального» и логически продолжает идеи, связанные с преимуществами большого государства и с возможностью развития процесса сближения и слияния наций. Утверждается также, что претворение ее в жизнь означает прежде всего стремление к возможно полному национальному равноправию, в частности при решении кадровых и других вопросов, учета деловых качеств, а не национальной принадлежности. Особо подчеркивается, что все важные стороны национальной политики должны быть отнесены к общегосударственной сфере. Предлагается также прерогативы союзных республик уменьшить, а областей — повысить с тем, чтобы те и другие сомкнулись примерно на уровне автономных республик. При этом выражается убеждение, что хотя интеграционный путь развития страны труднее, он представляется более перспективным для прогресса советского общества. Что же касается различных «промежуточных» вариантов развития, то они обречены на кратковременность и могут лишь осложнить ситуацию.

Естественно, что в связи с этой концепцией неизбежно задается вопрос: в какой мере она согласуется с общей линией на демократизацию, на создание правового государства? При этом подразумевается, что положительный ответ на этот вопрос весьма затруднен. На этом можно было бы поставить точку. Однако нельзя не отметить и того, что подчас «интегрирующая» позиция в чем-то смыкается с первой, так сказать, наиболее выраженной «дезинтегрирующей» точкой зрения (крайности, как известно, нередко сходятся). В частности, согласно одному из интегрирующих вариантов, существующая политико-административная система должна быть пересмотрена с учетом изменений в национальном составе и экономическом положении всех территорий. Однако есть и другой интегрирующий вариант — сохранить *status quo* по всем параметрам национально-государственного устройства. Не буду приводить возражения по

поводу этого варианта, ибо они фактически изложены при характеристике первой, т. е. «дезинтегрирующей» позиции.

Далеко не однозначны и взгляды относительно способов осуществления преобразования национально-территориальной структуры. Ограничусь краткой характеристикой лишь крайних позиций. Так, согласно одной из них, эти вопросы должны решать республиканские и союзные органы власти (прежде всего советы) на основе данных научных изысканий. Возражения по поводу такого подхода связаны главным образом с тем, что он фактически игнорирует свободное волеизъявление народов. Превращение последнего в решающий фактор национально-территориальных преобразований и составляет суть противоположного подхода. Существует, например, мнение, что демократизация в сфере национальной политики требует предусмотреть не столько систему декретирования и решений «сверху» в данном чрезвычайно важном вопросе, сколько обращение к различным формам волеизъявления всех групп населения, включая предусмотренный конституцией референдум. При решении вопросов о государственных автономиях, затрагивающих территориальный аспект, должно учитываться волеизъявление представителей всех народов, проживающих на территории, в пределах которой предполагается упразднение, изменение или образование национальных автономий. При этом подчас подчеркивается, что при подобных референдумах их участники и будут нести всю ответственность за принятое решение.

В связи с таким подходом, в частности, замечают, что дело не столько в том, на кого будет возложена ответственность за принятое решение, сколько в том, кто будет обеспечивать безопасность принявших его, в случае возможных конфликтов на основе такого рода решений (а какой характер могут принимать подобные конфликты, достаточно наглядно показали сумгаитские события). Ставится вопрос и о том, в какой мере такие, основанные на обыденном сознании решения, могут достаточно объективно учитывать интересы соседних народов и национальных групп, сложившиеся экономические связи и т. п.

В связи с правовыми аспектами национальных отношений не без основания подчеркивается, что регулирование их в условиях многонационального государства неминуемо требует четкой фиксации прав всех народов и каждого их представителя в Конституции и создания целого свода подконституционных законодательных актов. Все это должно составить целый раздел юриспруденции, который может быть назван «Национальное право», по аналогии с гражданским, семейным и др. Национальное право должно предусматривать удовлетворение национальных потребностей и осуществление национальных прав всех национальностей на всех уровнях (при условии равенства возможностей для всех наций и народностей).

На союзно-республиканском уровне это могло бы выразиться в праве самой республики определять вопросы социального, экономического и культурного развития, демографии и др., при учете как общесоюзных, так и внутренних межнациональных интересов.

На втором уровне — внутриреспубликанском — это должны быть фиксированные права автономных республик, автономных областей, национальных округов, критерии и механизмы создания таковых, а также при наличии такой потребности у отдельных национальных групп, — национальных районов и национальных сельсоветов (существовавших в свое время в СССР). Ставится также вопрос о создании национальных территорий центрального управления, что может быть в отдельных случаях реальным решением острых вопросов, возникающих в межнациональных отношениях.

Следующий правовой уровень должен предусматривать права дисперсных национальных групп, живущих в основном в крупных городах, на создание объединений на национальной основе (землячеств, ассоциаций, клубов, центров и др.). Такие объединения должны обладать соответствующими правами наравне с другими общественными организациями: например, могут создавать

центры, клубы национальной культуры, школы, отдельные классы или курсы с изучением национального языка, истории, литературы и культуры; создавать национальные редакции в местных издательствах и редакциях газет и журналов или издавать собственные, а также иметь право подготавливать программы радио и телевидения или организовывать ретрансляцию таковых из соответствующих республик или стран (например, для немцев из ГДР, для болгар из НРБ и т. д.). Особо следует выделить вопрос о правовом обеспечении этнокультурного развития народностей Севера.

Заслуживает внимания предложение создавать при Советах различных по своему уровню национально-территориальных образований специальных Комитетов содействия по этнокультурному развитию отдельных национальностей, проживающих как в рамках соответствующей территории, так и за ее пределами. Такие комитеты могли бы состоять из социологов, юристов, людей с историко-этнографическим образованием, как правило, принадлежащих к соответствующей национальности. Основная функция таких комитетов — содействие и контроль за удовлетворением культурно-языковых потребностей национальных групп.

Высказывается также мнение, что не следует механически распространять политические формы, рождающиеся в той или иной республике, на все остальные. К примеру, идея двухпалатной системы Верховного Совета в республиках, рожденная в Эстонии, — Совет республики и Совет национальностей — совсем необязательно должна быть распространена на все остальные союзные республики до тех пор, пока общественность этих республик сама не станет осознавать необходимости таких мер.

В связи со всем комплексом правовых аспектов национально-территориального устройства отмечается также необходимость уточнения ряда положений Конституции Союза. Затрагивается даже вопрос о конкретизации ее 72 статьи, гласящей, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Правда, может показаться вообще излишним касаться этого вопроса. Ведь, как будто никто не собирается использовать это право. Однако, как показали события вокруг НКАО, необходимо иметь достаточно обстоятельные законодательные положения по самым трудно предсказуемым нестандартным ситуациям. Между тем в связи с 72 статьей возникают определенные недоумения. В частности, почему в Конституции прямо сказано, что «территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия» (ст. 78), а в отношении Союза подобной статьи нет; дело ограничивается лишь указанием на то, что «определение государственной границы СССР» подлежит ведению Союза в лице его высших органов. Одним словом, остается неясным, как конкретно в случае апелляции к ст. 72 Союзные органы будут обеспечивать фиксированное в ст. 75 положение о том, что суверенитет СССР распространяется на всю его территорию. Есть и другие замечания, касающиеся трактовки в Конституции национальной проблематики.

Нельзя не коснуться и вопроса о территориальных, т. е. республиканских воинских образованиях, поднимаемом в ряде Прибалтийских республик. Данное предложение вызывает ряд возражений. В частности, оно не учитывает мобильности современных вооруженных сил. К тому же территориальный принцип организации армии, если довести его до логического конца, подрвет обороноспособность самих республик; дезорганизует экономику большинства из них, в связи с непосильным бременем военных расходов.

* * *

Перестройка, нацеленная на повышение эффективности народного хозяйства, развитие принципов демократизации, упрочение равенства, призвана тем самым обеспечить и социальную справедливость в отношениях между народами

и людьми разной национальности. И в этом отношении особая роль принадлежит экономике. Наверное, не будет преувеличением сказать, что многие, если не большинство национальных проблем, отпали бы в условиях ликвидации товарного дефицита. Соответственно важнейшее значение и для национальной сферы жизни нашего общества приобретает радикальная экономическая реформа, открывающая широкие возможности для наилучшего сочетания интересов страны в целом и отдельных республик на основе принципов социальной справедливости. При этом, как подчеркивалось на XIX партконференции, многое еще предстоит сделать для более полной реализации преимуществ всесоюзного разделения и кооперации труда, для улучшения использования экономического потенциала республик⁴. Особое значение приобретает углубление на основе хозрасчета их прямых экономических взаимосвязей, устранение различных межреспубликанских барьеров.

Одна из главных среди выдвинутых XIX партконференцией задач на пути осуществления экономической реформы — «создавать условия для большей самостоятельности регионов, осуществлять такие формы сотрудничества, при которых каждая республика была бы заинтересована в улучшении конечных результатов своей хозяйственной деятельности как основы собственного благополучия, умножения общего богатства и могущества Советского государства»⁵.

Сейчас намечилось несколько пониманий идеи территориального (регионального, республиканского) хозрасчета. Первое — «самоокупаемость» территориальных единиц, покрытие расходов на социально-культурное развитие доходами от производств, расположенных на данной территории. Предлагаемые для этого меры — взимание отчислений от предприятий в пользу территорий. Предполагается, что для защиты от ведомственного диктата, экологически вредного природопользования территориальные единицы должны получить равные права, независимо от того, являются ли они национально-государственными или лишь административно-территориальными (например, область). Территории выполняют особые общественные функции — воспроизводства человека и поддержания среды его обитания. Этим вызвана необходимость получения любыми видами территорий платы за использование природных и трудовых ресурсов. Нормы оставляемого в распоряжении территорий дохода в принципе тоже должны быть едиными, независимо от национального и административного статуса территорий.

Другое, более широкое понимание республиканского хозрасчета включает проведение самостоятельной экономической политики, т. е. по существу равнозначно экономическому суверенитету. Именно в таком смысле понятие «хозрасчет» используется в публикациях ученых из прибалтийских республик. Экономический суверенитет подразумевает право самостоятельно создавать конкретные виды производства или запрещать неприемлемые в данных культурно-исторических и экологических условиях производства (за исключением имеющих стратегическое значение), право распоряжаться по своему усмотрению республиканским бюджетом после расчетов с общесоюзным, право на непосредственные (без опосредования центром) экономические связи с другими республиками, выхода на мировой рынок и т. д. Централизаторское руководство при такой модели должно быть заменено политическими и торговыми отношениями между республиками.

Следует, однако, иметь в виду, что повышение экономической самостоятельности территорий может привести к различным, даже, противоположным последствиям. Многое зависит, как уже отмечалось в печати, от того, «будет ли у нас настоящая оптовая торговля, рынок средств производства... или же самостоятельность будет автоматически накладываться на существующие условия»⁶. В последнем случае это может привести к натурализации хозяйства территорий, а соответственно обернуться местничеством, автаркией, усилением центробежных тенденций. И там, где речь идет о национально-территориальных

единицах, это неизбежно повлечет за собой усиление чрезмерной национальной обособленности.

В условиях же развитых рыночных отношений, территориальной специализации и разделения труда региональный, в том числе республиканский хозрасчет приведет к многосторонним экономическим связям. А это, в свою очередь, разовьет уже не центробежные, а центростремительные силы. «Схематично это можно обрисовать так: каждый регион будет стремиться побольше продать того, что он умеет делать хорошо и дешево, чтобы заработать деньги и купить в другом регионе то, что там делают хорошо и дешево»⁷.

Правда, недавно высказано мнение, что «следует разделять территориальные общности, функцией которых является воспроизводство человека, и территории республик (этнические территории), назначение которых, помимо этого, — воспроизводство национальной культуры, а значит воспроизводство народов-этносов»⁸. Однако это утверждение странным образом игнорирует тот факт, что люди, где бы они ни жили, обладают национальностью и, скажем, Горьковская область населена не просто «безнациональными» людьми, а главным образом русскими. Стало быть, эта область является частью территории русского народа-этноса. Из подобных частей и складывается вся его этническая территория. Соответственно без участия ее жителей не может быть обеспечена задача воспроизводства национальной культуры как отдельных частей этноса, так и его в целом. Утверждения иного рода не столь нейтральны, как это может показаться на первый взгляд. Они вольно или невольно оправдывают установившуюся практику, согласно которой масштабы отчислений на социально-культурную инфраструктуру ряда областей РСФСР, где численность населения и экономический потенциал существенно превосходит соответствующие показатели отдельных республик, намного меньше, чем у последних. Не потому ли, в частности, далеко не в лучшую сторону отличается социально-культурная инфраструктура многих областей РСФСР от инфраструктуры некоторых меньших по своим размерам и потенциалу республик? К этому остается добавить, что функцией территорий республик, большинство из которых ныне многонациональны, является воспроизводство культуры не одной нации (так называемой коренной), а национальных культур всех населяющих ее народов.

В рассматриваемом контексте привлекает внимание предложение о необходимости научного обоснования экономического районирования страны «на основе формирования крупных, так называемых макрорайонных территориально-производственных комплексов (ТПК) со специализацией по отдельным законченным циклам».

К тому же, имеется расхождение мнений относительно пространственных рамок введения территориального хозрасчета. Согласно одной точке зрения, первоначально нужно экспериментально ввести территориальный хозрасчет в отдельных республиках. Согласно другой — следует распространить этот принцип одновременно на все республики. Однако в последнем случае возникает вопрос: одинаково ли готовы республики для перехода к «хозрасчету». Если под хозрасчетом понимать самокупаемость, то очевидно, что нет, ибо республики Средней Азии и Казахстана при нынешней структуре хозяйства и занятости без дотаций существовать не могут. Если же под «хозрасчетом» понимать экономический суверенитет, возможность самим определять направление своей специализации и отвечать за результаты хозяйствования, то как раз для отстающих республик это наиболее важно, чтобы включить механизмы саморазвития. Но в таком случае неизбежно, во-первых, увеличение дистанции между передовыми и отстающими республиками, нарастание территориальных различий в уровне жизни, во-вторых, усиление национальных (республиканских) экономических противоречий не только между республиками и центром, но и между самими республиками.

В этой связи может быть следует подумать об осуществлении перехода к развитию социально-культурной инфраструктуры республик и областей на

новой экономической основе, определяемой не статусом территориально-административной единицы (союзная или автономная республика, область и т. д.), а ее реальным вкладом в народное хозяйство страны. Нельзя не напомнить в данной связи, что В. И. Ленин, отмечая особую значимость национального состава населения для экономики, вместе с тем подчеркивал, что этот фактор для нее «не единственный и не важнейший среди других»⁹. Действительно, если этнокультурные аспекты национальных явлений в основном связаны с человеком, т. е. с национальным составом населения, то экономические — с территорией, в первую очередь с ее ресурсами.

Соответственно состав производственных и инфраструктурных объединений предлагается перестроить таким образом, чтобы они «укладывались в границы научно обоснованных административно-хозяйственных территориальных образований»¹⁰. Иначе говоря, встает вопрос о том, что понимать под «регионом».

В данном контексте высказывается мнение, что при дальнейшей разработке идеи регионального хозрасчета может быть полезен позитивный и негативный опыт совнархозов, который еще требует обобщения.

Как известно, при планировании размещения производства часто не учитываются экологическая ситуация на местах, соответствующие интересы местного населения. Именно поэтому общественностью столь настойчиво ставятся вопросы о правах местных властей (различного уровня) на экологическую защиту соответствующей территории от ведомственных притязаний. В том же плане находятся и рекомендации, касающиеся платы за ресурсы. Впрочем, следует заметить, что справедливо отстаивая права тех или иных национальностей на экологическую защиту территории своей республики, некоторые авторы при этом исходят из того, что именно данная национальность с особой любовью относится к природе, предполагая, видимо, что другие народы питают к ней меньшие чувства, а стало быть, у них и надо строить все, что в какой-то мере может нанести ущерб экологии.

Национальные процессы в нашей стране, как известно, сопряжены с демографическими проблемами и усложняются ими. Различия в приросте населения в разных регионах, создающие определенные проблемы в использовании трудовых ресурсов и в развитии социокультурных инфраструктур, требуют активной демографической политики. Однако в основных принципах подхода к ней есть определенные расхождения. Довольно распространено ныне мнение о необходимости регионализации демографической политики, исходящее из представления, что централизованное ее проведение может быть воспринято в республиках с высоким естественным приростом как ущемление национальных прав. Однако, думается, что скорее не единый подход к проблеме, а разные подходы могут восприниматься как проявление неравноправия. К тому же неизбежно возникает вопрос: как в случае дифференцированного подхода можно путем правовых норм содействовать снижению прироста населения? Думается, что надо сочетать общесоюзные и регионально-республиканские меры. В частности, одной из таких общих мер могло бы стать повышение пособий и расширение прочих льгот (увеличение отпуска по беременности и родам, предоставление неполного рабочего дня и т. д.) при рождении второго — третьего ребенка и сравнительно низких льгот на четвертого и последующих. Такие меры уже давно успешно применяются в ряде социалистических стран (например, в Болгарии). В то же время представляется целесообразным введение в отдельных республиках дополнительных способов стимулирования прироста населения, в том числе развития сети детских учреждений. Однако вряд ли можно согласиться с предложением о предоставлении особых экономических преимуществ в той или иной республике молодым семьям: принадлежащим к национальности, которая дала имя этой республике (например, в Эстонской ССР только семьям эстонцев)¹¹.

На этнонациональной структуре страны наряду с этнодемографическими процессами сказываются и межреспубликанские миграции. Последними, глав-

ным образом, и обусловлены изменения в компактности расселения отдельных национальностей.

Широко распространено мнение, что в последнее время наблюдается повсеместный рост многонациональности республик. Однако в действительности тенденции изменения этнонациональной структуры республик не во всех регионах страны одинаковы. Так, если за время между переписями 1959—1979 гг. коэффициент многонациональности особенно значительно увеличился в Эстонии и Казахстане, то в Азербайджане, Таджикистане, Туркмении он заметно уменьшился.

Как известно, массовые миграции населения подчас сопровождаются обострением межнациональных отношений. Это может быть вызвано разными факторами: и культурно-языковыми различиями коренного и пришлого населения, и разницей в социально-экономическом статусе, и различиями в социально-бытовой обеспеченности, а подчас и опасениями представителей коренной национальности потерять в республике статус большинства. В связи со всем этим в некоторых из них все чаще раздаются призывы ограничить приток мигрантов. В частности, в Эстонии в ряде городов уже установлена плата за ввозимую рабочую силу (от 10 до 16 тыс. руб. за каждого работника и члена его семьи)¹². Более того, ограничение притока мигрантов подчас связывается с введением так называемого республиканского гражданства. Но подобное ограничение явно противоречит принципам демократии. Думается, что более приемлемым является мнение, согласно которому регулирование миграций должно осуществляться косвенным путем, прежде всего посредством экономических рычагов. А именно: республика должна выбирать либо интенсивное создание новых инфраструктур, требующее малоквалифицированной рабочей силы, а соответственно и притока мигрантов, либо ограничение масштабов нового строительства, создания новых рабочих мест и соответственно сокращение потребности в мигрантах (впрочем, возможна и иная альтернатива — развитие высокоэффективных, но относительно нетрудоемких производств).

Для национальных процессов, как известно, важнейшее значение имеют культурные факторы. Но об этой проблематике мы уже много говорили в прошлом, к тому же отдельные ее аспекты затрагивались мной выше. Не лишним представляется еще раз подчеркнуть, что накопившиеся в этой сфере проблемы и деформации, касающиеся национальных отношений, все же гораздо легче исправить, чем во многих других сферах жизни нашего общества.

Остановлюсь лишь на языковых аспектах национальных отношений, приобретающих заметную остроту. Это особенно наглядно проявляется в выступлениях творческой интеллигенции (прежде всего тех ее представителей, деятельность которых связана с языком). При этом выдвигаются требования (например, в республиках Прибалтики) объявить языки народов, давших имя республике, государственными. Вопрос этот далеко не прост. Напомним, что В. И. Ленин выступал против введения государственного языка, имея в виду русский, т. е. язык самого многочисленного народа в стране. Он не без основания опасался, что создание таким образом привилегий для русского языка будет воспринято как одно из проявлений великорусского шовинизма¹³. При этом нельзя не учитывать конкретной языковой ситуации того времени: с одной стороны, подавляющее большинство нерусского населения страны не знало русского языка, с другой, — общественные функции национальных языков были развиты слабо.

В настоящее время, как известно, в Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, согласно их Конституциям, родные языки национальностей, давшие имена этим республикам, считаются государственными. При этом в Конституциях данных республик провозглашается осуществление государственной заботы о всемерном развитии соответствующего языка и обеспечения его употребления в государственных и общественных органах, учреждениях культуры, просвещения

и других. Одновременно — и это весьма существенно — во всех трех Конституциях (в тех же статьях) фиксируется обеспечение свободного употребления в указанных учреждениях и организациях русского языка, а также других языков, которыми пользуется население. Более того, подчеркивается, что «какие-либо привилегии или ограничения в употреблении тех или иных языков не допускаются»¹⁴. И, в частности, недавний Пленум ЦК Компартии Эстонии, признавший целесообразность введения эстонского языка в качестве государственного, отметил, что это должно сопровождаться установлением гарантий равноправного использования эстонского и русского языков во всех государственных и общественных организациях¹⁵.

Поскольку во многих союзных республиках признание языка национальности, давшей имя республике, в качестве государственного рассматривается как существенный показатель республиканского суверенитета, представляется, что в современных условиях такое признание лишь послужит удовлетворению национальных чувств, не нарушая фактического равенства языков. Но при этом должно быть, однако, соблюдено по крайней мере одно условие: специальное указание в Конституциях союзных республик, как это имеет место в Конституциях Закавказских республик, о недопустимости любых привилегий или ограничений в употреблении того или иного языка. В отношении автономных республик надо действовать, вероятно, по аналогии, тем более, что в Конституциях некоторых из них это уже сделано.

Статус русского языка для РСФСР, очевидно, не должен отличаться от статуса национальных языков в других союзных республиках. Иное дело вопрос об общегосударственном статусе русского языка как языка межнационального общения в масштабах всей страны. Он требует специального изучения. Поэтому ограничусь здесь лишь некоторыми соображениями предварительного характера. Прежде всего представляется необходимым учитывать, что языковая ситуация в стране сегодня существенно отличается от той, что была в дореволюционные и первые послереволюционные годы. Ведь роль русского в качестве языка межнационального общения стала широко признанной, а национально-русское двуязычие стало весьма распространенным явлением во всех республиках страны. И уже одно это дает основание ожидать, что отношение нерусских национальностей к превращению русского в официально «межнациональный» язык будет существенно иным, чем в те годы, когда против этого выступал В. И. Ленин. Разумеется, в данном случае предполагается также, что во всех союзных республиках государственным будет считаться язык, давший каждой из них имя. Впрочем, и сейчас, с одной стороны, в Конституции СССР зафиксировано, что «законы СССР, постановления и иные акты Верховного Совета СССР публикуются на языках союзных республик» (т. е. включая и русский язык)¹⁶, с другой — в Конституциях союзных республик констатируется, что все их соответствующие законодательные акты публикуются на языке данной республики и русском языке¹⁷. Иначе говоря, официально выделяются два языка: союзной республики и межнационального общения¹⁸. Впрочем, есть уже прецеденты прямого признания русского языка в качестве государственного. Так, в Конституции Абхазской АССР фиксируется, что ее государственными языками «являются абхазский, грузинский и русский язык»¹⁹. Показательна в рассматриваемой связи и практика зарубежных полиэтнических стран. Например, в Канаде, где среди используемых населением языков в качестве официальных выделены два — английский и французский — законодательно признано, что они «обладают равным статусом и правами»²⁰.

* * *

Важнейшую роль в дальнейшем сплочении народов нашей страны призвано сыграть интернационалистское воспитание, которому следует уделять должное внимание, начиная с раннего детства. Надо тщательно продумать механизмы,

обеспечивающие интернационалистскую ориентацию сознания советских людей, уделив особое внимание тому, чтобы они с детских лет впитывали не только национальный, но и интернациональный исторический опыт.

Особая роль в формировании интернационалистского мировоззрения принадлежит, как известно, разработке теоретических аспектов этнонациональной проблематики. Между тем как раз в этой сфере особенно негативно сказался застой. Новые подходы к ней поэтому настоятельно требуют избавления от талмудизма и начетничества, заздравных формул.

Это относится, например, к использованию формулы «национальный вопрос» (утверждение об его отсутствии в наши дни). Не работающим является определение «расцвет наций» (лучше, видимо, — «развитие»). Далекое не безупречная формула «социалистическая по содержанию и национальная по форме культура». Часто имеет место смешение понятий «интернационализация» и «интернационализм», а последний стал нередко восприниматься на местах как верность центру, как проявление бюрократическо-централистских тенденций.

Уточнения требует понятие «национализм». Становится все более очевидной необходимость его более четкого отграничения от других проявлений национального сознания, в том числе и от тех, что не могут быть безоговорочно оценены как позитивные. И это в последнее время все чаще подчеркивается в нашей литературе. Такой подход, в частности, получил отражение на страницах «Правды» в статье «Феномен национализма»²¹. Автор этой статьи справедливо выступает против расширительного «толкования явления национализма». При этом он отмечает, что «например, национальная ограниченность — это еще не национализм. Столь же далеко от национализма и „этническое предубеждение“». Действительно, указанные явления далеко не тождественны национализму. Однако ограничиваться констатацией этого явно недостаточно. Ведь в таком случае остается в тени негативный характер и национальная ограниченность этнического предубеждения. Еще большее удивление вызывает мнение автора, что национальные обиды могут вызвать в нашей стране оборонительный национализм. Таким образом, вольно или невольно оказывается, что несправедливое отношение к той или иной национальности и при социализме делает правомерным ее национализм (оборонительный, а иногда, как говорится в статье, — даже наступательный). Между тем этот феномен сам автор совершенно точно определяет как признание исключительности своей национальности и ее претензий на привилегии за счет других национальностей. Правда, термин «оборонительный национализм» фигурирует в резолюции XII съезда РКП(б)²². Однако из этой же резолюции очевидно, что в ней слово «национализм» трактуется весьма расширительно (в частности, под ним подразумевается «национальное отчуждение»)²³, т. е. в значении прямо противоположном тому, которое отстаетывается в рассматриваемой статье. Словом, данный термин вряд ли правомерно механически переносить из одной конкретно-исторической ситуации в другую. Далекое не удачной представляется и попытка ввести понятие «перестроечный» по духу национализм, сосуществующий с национализмом со знаком минус²⁴.

Нельзя не согласиться с мнением о необходимости углубленного исследования вопроса о соотношении науки и религии, национального самосознания и религиозных взглядов²⁵, вопроса, к сожалению, нередко трактовавшегося явно упрощенно.

Как известно, одной из важнейших составляющих этнического, национального самосознания каждого человека выступает представление об общности исторических судеб всех членов того этноса, к которому он принадлежит. Между тем, как показывает анализ этнической истории человечества, эта «субъективная» компонента этнического самосознания выступает на передний план тем в большей мере, чем слабее становятся возможности апеллировать к объективным особенностям культуры своего этноса.

К сожалению, в исторической литературе многие факты далеко не простой этнической истории народов нашей страны либо просто игнорируются, либо трактуются упрощенно, а то и вовсе искажаются. В ряде республик стал прямо-таки болезненным вопрос о происхождении коренных народов. Его освещение нередко сопровождается стремлением «удревнить» и «облагородить» историю своего народа.

В условиях застоя на освещении исторического прошлого отдельных народов нашей страны весьма пагубно сказалось волюнтаристское воздействие некоторых некомпетентных республиканских руководителей, стремившихся использовать историческую науку в своекорыстных интересах конъюнктурного характера. Весьма показательна в данном отношении деятельность бывшего первого секретаря ЦК Компартии Киргизии Т. Усубалиева. В своих выступлениях он, в частности, неоднократно критиковал обоснованный в трудах известного этнографа С. М. Абрамзона²⁶ тезис, согласно которому в республике продолжают сохраняться некоторые патриархальные пережитки (в том числе деление на семейно-родственные группы). Раскрывая причины этих явлений, их негативное влияние на социальную практику, ученый вносил предложения, касающиеся преодоления такого рода пережитков. Обвиняя С. М. Абрамзона в идейно-теоретических ошибках, Т. Усубалиев стремился доказать «беспережиточную ситуацию» в республике, «на практике же он создал все условия для возрождения кланства, местничества, подбора кадров по родо-племенным признакам, коррупции»²⁷.

Не лучшим образом на национальном самосознании народов нашей страны отражается и наличие белых пятен в истории советского общества. Особенно это относится к сложным перипетиям сравнительно недавнего исторического прошлого этнонациональных общностей, вошедших в состав СССР в предвоенные годы. В частности, немало белых пятен оказалось в истории народов Прибалтики. Между тем подобные пробелы, замалчивания, полуправда на страницах работ по истории не только создают почву для неверных представлений об историческом прошлом народов, но и используются для политической демагогии.

Значительные пробелы в разработке истории народов нашей страны нередко усугубляются их огрубленным освещением в школьных учебниках. И дело не только в том, что, как уже говорилось, в учебной литературе встречается «уклончивое» объяснение тех или иных сложных событий исторического прошлого, а то и просто о них умалчивается. Еще хуже, когда учащиеся фактически лишены возможности изучать историю своей этнонациональной общности, как это совсем недавно имело место в НКАО. Однако повышенное внимание к прошлому своего народа при преподавании отечественной истории не должно наносить ущерба освещению исторических судеб других народов страны, прежде всего соседних. Ведь только при этом условии исторические знания могут способствовать формированию у молодежи интернационалистски ориентированного национального самосознания.

Существует вместе с тем опасность некритического отношения к этапам нашей истории первых лет советской власти, известная идеализация подходов к решению национальных проблем в этот период. Отходом от ленинских принципов был бы как раз недиалектический подход к решениям тех лет, непонимание того факта, что многие решения диктовались конкретными обстоятельствами. Словом, современная практика межнациональных отношений выдвигает ответственные задачи перед общественными науками. Первоочередная из них — подготовка материалов для предстоящего Пленума ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений. И нам всем предстоит принять в этом самое активное участие.

Примечания.

- ¹ Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 г. // Правда. 1988. 20 июля. С. 2.
- ² Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. О межнациональных отношениях // Коммунист. 1988. № 10. С. 79.
- ³ См. Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических республик. М., 1978. С. 27—28.
- ⁴ О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года // Коммунист. 1988. № 10. С. 39.
- ⁵ Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. О межнациональных отношениях // Там же. С. 79.
- ⁶ Конвертируемый рубль: когда и при каких условиях. Беседа с профессором В. Белкиным // Известия. 1988. 3 августа.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Коротеева В., Перепелкин Л., Шкаратан О. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. 1988. № 15. С. 23 (статья опубликована после проведения заседания).
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 149.
- ¹⁰ Хорев Б. Шаг вперед, два в уме // Литературная газета. 1988. 13 июля.
- ¹¹ См. Молодежь Эстонии. 1988. 18 июня.
- ¹² Ребане Я. Основные черты национальных процессов в республиках // Коммунист Эстонии. 1988. № 6. С. 22.
- ¹³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 302.
- ¹⁴ Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических Республик. С. 241 (ст. 75 Конституции Грузинской ССР). С. 285 (ст. 73 Конституции Азербайджанской ССР). С. 490 (ст. 72 Конституции Армянской ССР).
- ¹⁵ Правда. 1988. 11 сентября.
- ¹⁶ Конституция СССР... Ст. 116. С. 35.
- ¹⁷ См., например: ст. 103 Конституции УССР // Конституция СССР... С. 106.
- ¹⁸ Кроме того, в ряде Конституций союзных республик говорится о публикации законодательных актов на языках соседних союзных республик и «своих» — автономных образований (см.: Конституция Азербайджанской ССР. Ст. 117; Конституция Грузинской ССР. Ст. 110; Конституция Армянской ССР. Ст. 104 // Конституция СССР... С. 98, 246, 490).
- ¹⁹ Конституция (основной закон) Абхазской Автономной Советской Социалистической республики. Сухуми. 1978. Ст. 70. С. 19.
- ²⁰ Цит. по: Тишков В. А. Англо-французское двуязычие в Канаде // Сов. этнография. 1985. № 4. С. 48.
- ²¹ Правда. 1988. 5 мая.
- ²² Судя по всему, этот термин восходит к докладу на XII съезде И. В. Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» (см. Сталин И. В. Материализм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 118).
- ²³ Цит. по: Сталин И. В. Указ. раб. Приложение. С. 214.
- ²⁴ См. Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1988. № 9. С. 29.
- ²⁵ См. Сыроедова М. Религия и национализм // Коммунист. 1988. № 13. С. 75—76.
- ²⁶ См. Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- ²⁷ История далекая и близкая. Беседа с членом-корреспондентом АН Киргизской ССР С. Т. Табышалиевым // Советская Киргизия. 1988. 26 июня.

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ

О. И. Шкаратан (Институт этнографии АН СССР, Москва; далее — ИЭ). Сегодня многие специалисты высказывают опасения по поводу идеи децентрализации государственного управления, сомнения в целесообразности существенного расширения суверенитета союзных республик СССР. Подобные соображения не имеют достаточных оснований. Говоря об укреплении республиканского суверенитета, мы должны понимать, что речь идет о восстановлении федералистских принципов построения Союза ССР. Из-за того, что в период сталинизма эти принципы были фактически уничтожены, СССР превратился в централистское государство, в котором права республик в течение десятилетий ущемлялись.

Необходимо четко различать функции территориальной общности в социальном воспроизводстве и функции этнической территории в воспроизводстве этничности. Воспроизводство человека осуществляется в первичной территориальной общности, воспроизводство же этноса — опти-